

Г. С. БАТЕНЬКОВ-ЛИТЕРАТОР

Статья Т. Г. Снытко

I

В истории русской литературы имя декабриста Гавриила Степановича Батенькова упоминается лишь в связи со стихотворением «Одичалый». Много раз публиковался «Опичалый» и всегда с сопровождением стереотипного введения, сообщающего читателю, что Батеньков литератором не был и написал за свою жизнь единственное стихотворение¹.

Распространенность этого взгляда можно объяснить лишь незнакомством с богатым литературным наследием Батенькова, хранящимся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в государственных архивах².

Не повезло Батенькову и в иных отношениях.

Буржуазные историки — В. И. Семеvский, М. В. Довнар-Запольский и другие — создали Батенькову славу «самого умеренного» из декабристов, «убежденного монархиста», «сторонника аристократическо-бюрократической олигархии» и т. д. Внимание историков привлекала главным образом трагическая судьба Батенькова, но, в сущности, и она оставалась не выясненной до конца. М. О. Гершензон доказывал, что Батеньков двадцать лет провел в одиночном заключении по собственному желанию; возражая ему, Б. Л. Модзалевский заявлял, что Батеньков «в продолжении 20 лет был умалишенным»³.

Правда, биография Батенькова еще не написана, но о нем опубликовано несколько десятков работ — больше, чем о Пестеле. Однако обилие напечатанных материалов не проясняет истинного лица этого крупного деятеля декабристского движения. Буржуазные историки, относясь недостаточно критически к материалам Следственной комиссии по делу декабристов, характеризовали взгляды Батенькова, основываясь на его показаниях. Все положения, высказанные им на следствии, они принимали за его истинные взгляды. Мемуарные свидетельства о Батенькове полны легенд, кривотолков и необоснованных предположений, которые можно опровергнуть, обратившись к документальным материалам.

Мы не ставим себе целью написать биографию Батенькова, однако напомнить об основных этапах его жизни необходимо. А. А. Сабуров, характеризуя Батенькова как «представителя крупной торгово-промышленной буржуазии в движении декабристов»⁴, мотивировал свою точку зрения соответствующим происхождением Батенькова и его связями с купечеством, однако это не точно.

Отец Батенькова — дворянин, отставной офицер; мать происходила из купеческой среды, но из семьи очень небогатой; между родственниками Батенькова мы встречаем священников, приказчиков, мещан и даже «солдатскую жену Аграфену Морозову». После амнистии Батеньков отказался восстанавливать генеалогию своего рода и был внесен в дворянские книги Калужской губернии на том основании, что имел чин подполковника⁵. Ни земельными угодьями, ни каким-либо другим недвижимым

имуществом семья Батеньковых не владела и жила только на пенсию отца, повидимому, весьма скромно.

Систематического образования Батеньков не получил. Читать он научился самостоятельно, а затем его определили в военно-сиротскую школу в Тобольске. В 1811 г. Батеньков поступил в дворянский полк при Втором кадетском корпусе в Петербурге. Здесь он усиленно занимался историей, географией, литературой, математикой, языками и теорией военного дела.

В корпусе Батеньков подружился с В. Ф. Раевским. Дружеские отношения и переписку с Раевским Батеньков поддерживал до самой смерти.

В мае 1812 г. Батеньков был выпущен из Кадетского корпуса с чином прапорщика и откомандирован в 13-ю артиллерийскую бригаду. Принять участие в Бородинском сражении он не успел, но активно участвовал в преследовании наполеоновской армии и в боях с французами в Польше и Силезии, где в мае 1813 г. был впервые ранен. В январе 1814 г. в бою у Монмираля он получил десять штыковых ран и был в бесчувственном состоянии взят в плен. Через несколько дней французский госпиталь, где лежал Батеньков, захватили русские войска и Батеньков был освобожден. По излечении он принял участие в военных действиях 1814 г. и во втором походе во Францию.

Не поладив с начальством, стремившимся установить в армии арацеевские порядки, Батеньков подал в отставку и летом 1816 г. был уволен из армии в чине поручика. В октябре 1816 г. он блестяще выдержал экзамен при институте инженеров путей сообщения, получил звание инженера 3-го класса и, по собственному желанию, был назначен инженером 10-го (Сибирского) округа путей сообщения — в Тобольск.

У Батенькова были широкие планы развития путей сообщения в Сибири. Однако заниматься этим делом ему почти не пришлось. Вначале сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель поручил ему руководить работами по благоустройству Томска, затем он был назначен исполняющим обязанности начальника 10-го округа путей сообщения, а прибывший на смену Пестелю новый генерал-губернатор М. М. Сперанский сделал Батенькова своим доверенным лицом и одним из помощников по общеадминистративным делам.

После отъезда Сперанского в Петербург Батеньков тоже уехал в Россию. Прожив несколько месяцев на Кавказе и в Москве, Батеньков явился к Сперанскому и, по ходатайству последнего, был назначен правителем дел Сибирского комитета. Председателем этого комитета был Аракчеев. Оценив способности Батенькова, Аракчеев сделал его сначала чиновником для поручений, а затем членом Совета военных поселений по отделению военных кантонистов. Хотя занятия Батенькова и не имели отношения к военным «экзерцициям» (он занимался топографической съемкой и руководил строительством), все же служба у Аракчеева тяготила его. Жестокости, издевательства, чинимые Аракчеевым в военных поселениях, вызвали в Батенькове отвращение, будили в нем протест и желание мести. Батеньков не раз обращался к Сперанскому с просьбой перевести его на какую-либо другую службу. Желание Батенькова осуществилось неожиданно. За то, что он одобрительно и с насмешкой говорил об убийстве любовницы Аракчеева Настасьи Минкиной, он был 6 ноября 1825 г. уволен от занимаемых должностей и откомандирован в распоряжение Управления путей сообщения, где и числился до дня своего ареста. После увольнения Батеньков не имел определенных служебных обязанностей. Располагая свободным временем, он начал все чаще посещать дом директора Российско-Американской компании И. В. Прокофьева, предложившего Батенькову должность управляющего русскими колониями в Северной Америке. В том же доме жил и Рылеев; с ним Батеньков познако-

мился еще в 1824 г., а еще раньше подружился с Николаем и Александром Бестужевыми, Корниловичем и другими членами Северного общества.

Члены Тайного общества высоко ценили Батенькова и, рассчитывая на поддержку военных поселенцев, стремились вовлечь его в Общество еще в бытность Батенькова в Совете военных поселений. Но, хотя

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Литография К. А. Зеленцова, 1822 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

в беседах с Рылевым, Бестужевым и другими Батеньков показал себя сторонником борьбы против самодержавия, они далеко не сразу доверились ему. Лишь осенью 1825 г. Александр Бестужев спросил Батенькова, как он поступил бы, если бы узнал, что в России существует Тайное общество, ставящее себе целью изменить государственный строй и ввести конституционный образ правления. Батеньков ответил, что он «не был бы русским, если бы отстал от них»⁶. После этого разговора Бестужев (с согласия Рылеева) принял Батенькова в Тайное общество.

Свободомыслие присуще было Батенькову с юности. «Либеральное мнение мне было по душе и укоренилось в ней с самого детства», — писал

он в 1860 г.⁷ Неясные мечты о борьбе за свободу родины, зародившиеся еще в кадетском корпусе, сделались за время 1812 г. и походов в Европу твердым убеждением Батенькова. Служба в Сибири и в военных поселениях укрепила уверенность Батенькова в том, что изменить политический и социальный строй России необходимо, а протест против самодержавия, назревавший во всех слоях населения, заставлял его думать, что революция близка и неизбежна. «В январе 1825 г., — писал он, — пришла мне в первый раз мысль, что поелику революция в самом деле может быть полезна и весьма вероятна, то непременно мне должно в ней участвовать»⁸.

Еще во время службы в военных поселениях Батеньков вечерами занимался разработкой конституции для России; тогда же, еще не будучи членом Тайного общества, он обдумывал планы государственного переворота, возможности массового выступления и «жалел, что у нас географическое положение не представляет никакой удобности к восстанию»⁹.

Вступив в Тайное общество, Батеньков сразу сделался одним из видных и авторитетных его членов. Позже А. А. Бестужев в письме к Николаю I характеризовал Батенькова как «человека из всех нас <декабристов> с здравейшей головой». В беседах с Рылевым, Трубецким, Бестужевыми, Якубовичем и другими декабристами Батеньков обсуждал вопросы переустройства России, давал практические советы по организации восстания. Он подробно разработал тактику поведения членов Тайного общества в случае успеха. На следствии Трубецкой показал, что Батеньков считал необходимым захватить Петропавловскую крепость и предлагал вести солдат на площадь непременно с барабанным боем, чтобы привлечь туда побольше народа¹⁰. Ценил ум, деловые качества и красноречие Батенькова, декабристы выдвинули его кандидатуру в состав будущего временного правительства и в состав делегации, которая в случае победы восстания должна была явиться в Сенат. Батенькову поручено было произнести речь в Сенате и потребовать издания указа об учреждении временного правительства.

Батеньков выдвигал планы и других форм выступления. Трубецкому он предлагал «возмутить народ» при помощи подложного манифеста: «У нас легко сделать перемену, — говорил он, — ибо вся Россия повинуется печатному повелению, из Петербурга присланному, а потому и нужно токмо иметь в своем распоряжении сенатскую типографию»¹¹. С Якубовичем, с которым он особенно подружился, Батеньков неоднократно обсуждал вопросы организации восстания солдат и народа на тот случай, если Тайное общество не выступит. Он говорил, что «нельзя в чем-нибудь на них <на членов Тайного общества> надеяться», что «вернее будет кричать перед толпою народа в пользу удаляемого государя <Константина> и ежели погибнуть, то, по крайней мере, оставить воспоминание». Батеньков убеждал Якубовича, чтобы он «отстал от молодежи, которая на словах только храбра, а лучше бы сам собрал толпу и заставил бы, по крайней мере, кого-нибудь из членов царской фамилии вести с собой переговоры»¹². Следует подчеркнуть, что во всех проектах переворота, предлагавшихся Батеньковым, роль главной силы отводилась «толпе», то есть народу.

14 декабря Батеньков, видя, что членам Тайного общества удалось собрать на Сенатской площади лишь небольшую часть петербургского гарнизона, очевидно, счел выступление неудавшимся и не вошел в каре, хотя присягать Николаю I и отказался. Арестован он был только 28 декабря. На первых допросах Батеньков упорно заявлял, что членом Тайного общества не был, ссылаясь на то, что прием в какую-либо ассоциацию обычно сопровождается обрядами, а никакого обряда при нем не совершали. Он признался лишь в «вольных разговорах» — на тему о желательности изменений в социальном и политическом строе России, причем добавлял,

что подобные разговоры ведутся по всей стране. Желая произвести впечатление если не «верноподданного», то, во всяком случае, «весьма умеренного» сторонника реформ, Батеньков написал в крепости проект монархической конституции, которая почти не ограничивала самодержавную власть царя. Этот проект он выдавал за тот самый, который он разрабатывал в Грузии. Раздел проекта «Меры обеспечения неизбежности нового строя», предусматривающий административное устройство России на основе автономии отдельных областей, превращение военных поселений в «народную стражу», передачу Петропавловской крепости в распоряжение петербургского городского самоуправления, свободу печати, независимость университетов, независимость судебных властей и их право контролировать деятельность административных учреждений, ревизовать финансовую отчетность, рассматривать представления о наградах и т. д., более радикален, чем другие части проекта. Возможно, что этот раздел был написан Батеньковым, действительно, на основании «грузинского» проекта, который, надо полагать, отличался от написанного в тюрьме и предназначавшегося для прочтения царем.

В своих конституционных проектах Батеньков отводит видную роль «вельможам». Это выражение члены Следственной комиссии и историки (включая и советских историков) понимали в общепринятом смысле, между тем как Батеньков вкладывал в него иное значение. В 1828 г. в «Тюремной песни» он писал:

И будут...
...словно важные планеты,
Сияньем из себя одеты
Вельможи видные ступать
По предначертанным орбитам
Народной волей...¹³.

Эту же мысль повторяет А. А. Бестужев, излагая свой разговор с Батеньковым о будущей «правительственной аристократии», в состав которой должны были войти активные деятели переворота.

Тактика, примененная Батеньковым для своей защиты, могла бы дать хорошие результаты, но благополучному исходу дела помешало начавшееся следствие о связях декабристов со Сперанским. Дознание по этому делу, по свидетельству Боровкова и Батенькова, велось в тайне от членов Следственной комиссии. Допрашивал Батенькова сам царь. Николай I обещал немедленно освободить Батенькова, если он даст откровенные показания об отношениях между Сперанским и Тайным обществом. Но Батеньков, как говорит Ф. Ф. Вигель, «не выдал друга». Материалы секретного следствия не сохранились: по приказанию Николая I они были уничтожены Боровковым, единственным чиновником Комиссии, знавшим об этом следствии.

Взбешенный упорством Батенькова, Николай I посулил ему такие грозные кары, что тот счел участь свою решенной. Сначала у Батенькова возникла мысль о самоубийстве, «но вскоре, — писал он 5 апреля 1826 г., — явилась необычайная твердость, и мне пришла мысль искать, по крайней мере, историческую славу»¹⁴.

18 марта 1826 г. Батеньков прислал Следственной комиссии свое знаменитое заявление. С прямотой, на которую не решился ни один из декабристов, Батеньков характеризовал восстание 14 декабря как первое революционное выступление в России. «Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим, — писал Батеньков. — Оно, исключая, разве, немногих, состояло из людей, коими Россия всегда будет гордиться. Ежели только возможно, я имею полное право и готовность раз-

делить с членами его всё, не выключая ничего<...> Цель покушения не была ничтожна, ибо она клонилась к тому, чтобы ежели не оспаривать, то, по крайней мере, привести в бореение права народа и права самодержавия, ежели не иметь успеха, то, по крайней мере, оставить историческое воспоминание. Никто из членов не имел своекорыстных видов. Покушение 14 декабря — не мятеж, как, к стыду моему, именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической, опыт, почтенный в бытописаниях и глазах других просвещенных народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявших, тем славнее для них, ибо хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался. Я желал сделать такое же покушение и 27 ноября, но не можно было по краткости времени и по недостатку сил»¹⁵.

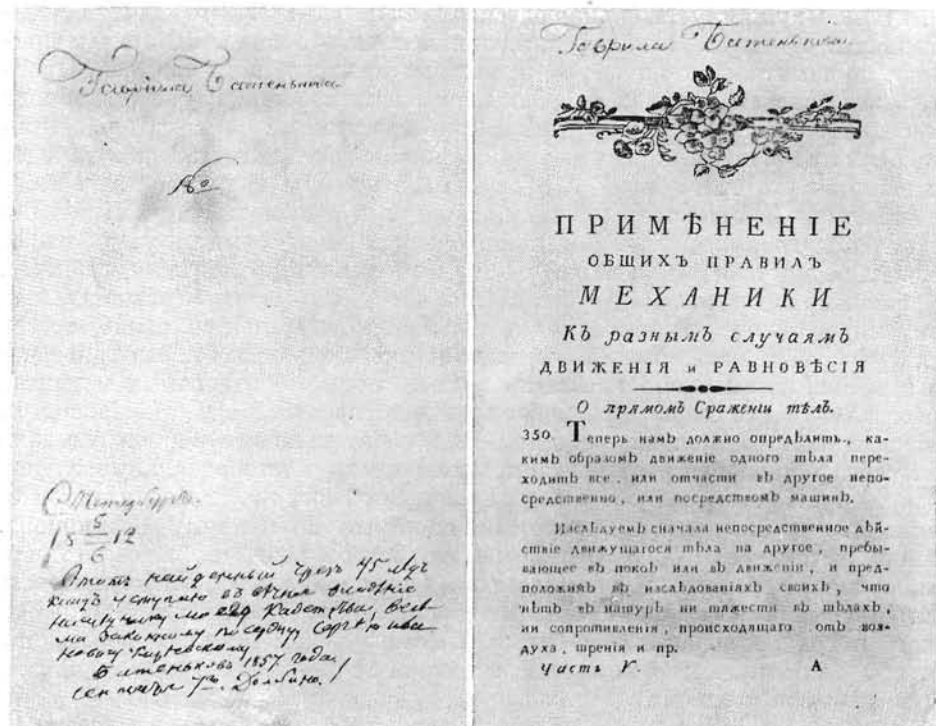
Друзья Батенькова — С. Т. Аргамаков, В. В. Погодин, А. А. и А. П. Елагины, В. А. Жуковский и другие были, конечно, в курсе хода следствия по делу Батенькова. Узнав о заявлении 18 марта, они переполошились и потребовали от Батенькова, чтобы он взял обратно этот самоубийственный документ. Батеньков попытался исполнить требование друзей. Вначале он пробовал смягчить выражения, а затем стал утверждать, будто заявление было написано им в состоянии психического расстройства. Но ничто уже не могло помочь; Батеньков был предан суду и осужден по третьему разряду — на двадцать лет каторжных работ. Николай I снизил наказание осужденным по этому разряду сначала до 15 лет, потом до 10, но Батенькова царские «милости» не коснулись. После конфирмации приговора он был отвезен на Аландские острова и посажен в крепость Свартгольм. В июне 1827 г. Батеньков, по его прошению, был переведен обратно в Петропавловскую крепость. Он рассчитывал, что отсюда ему легче будет связаться с влиятельными друзьями и добиться досрочного освобождения; но надежды его не оправдались — Николай I не забыл своих угроз. Он приказал заключить Батенькова в Алексеевский рavelин в качестве «секретного арестанта № 1», фамилия которого отныне должна была быть известна лишь коменданту крепости и начальнику III Отделения¹⁶.

Из многих гипотез о причинах содержания Батенькова в Алексеевском рavelине в течение 19 лет наиболее правдоподобной нам представляется та, которая связывает этот факт с делом Сперанского: в строжайшей изоляции Батенькова были заинтересованы и Николай I, и «принесший повинную» ему Сперанский, и многие другие. Это понимал и Батеньков; позже он писал: «М. М. имел друзей и врагов. На этот раз они согласились, то есть считали всего удобнее послать меня в ссылку»¹⁷.

Вспоминая о суде над декабристами и о своем заключении, Батеньков в 1860 г. писал: «М. М. и не усиливался освободить меня из-под креста, тревожась только, что не достанет во мне твердости снести его»¹⁸. Батеньков не знал, что «М. М.» не только «не усиливался» спасти его: в первых проектах «разрядных списков» Сперанский вписал Батенькова в число подлежащих смертной казни, а при окончательном голосовании высказался вместе с большинством за вечную каторгу, хотя 18 членов суда подали голоса за менее тяжелое наказание.

В первые дни заключения в рavelине Батеньков, по выражению коменданта Сукина, «оказывал временами разные непристойные поступки в действиях и словах», за что на него несколько раз надевали смирительную рубашку. В марте 1828 г. Батеньков отказался принимать пищу и даже воду. Донося об этом Бенкендорфу, генерал Сукин писал: «Врач Элькан утверждал, что Батеньков умышленно решил кончить самоубийством путем истощения». Ничего не добившись, Батеньков на пятый день прекратил голодовку¹⁹.

В начале 1835 г. Батеньков написал Николаю I несколько писем в стиле библейских пророчеств, в которых всячески поносил царя и насмехался над ним. На основании этих писем и некоторых тюремных записей Батенькова многие историки стали доказывать, что Батеньков во время заключения был умалишенным. Б. Л. Модзалевский, например, даже определил форму заболевания — *mania grandiosa* с отдельными *momenta lucida**.

КНИГА «ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ПРАВИЛ МЕХАНИКИ», ПРИНАДЛЕЖАВШАЯ
Г. С. БАТЕНЬКОВУ С ЕГО ВЛАДЕЛЬЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ 1812 г. И ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ С. И. КИРЕЕВСКОМУ 1857 г.

«Этот найденный через 45 лет клад уступаю в вечное владение наследнику моего надѣства,
весьма законному по сердцу, Сергею Ивановичу Киреевскому.
Батеньков 1857 года, сентября 7-го. Долбино»

Историческая библиотека, Москва

Однако документы III Отделения не подтверждают этого. То, что Батеньков не был умалишенным, засвидетельствовал лейб-медик Элькан, неоднократно обследовавший состояние его здоровья; о том же заявлял комендант крепости генерал Скобелев. Генерал Сукин, занимавший должность коменданта Петропавловской крепости до Скобелева, два раза выразил сомнение в психической нормальности Батенькова: в рапорте по поводу его голодовки в 1828 г. и в рапорте, сопровождавшем упомянутые письма Батенькова Николаю I. Но и он подозревал, что поведение заключенного — симуляция: «...слышал говоренные им <Батеньковым> в исступлении слова, показывающие человека в уме помешанного (если только произнесены оные были не притворно, ибо при первоначальном с ним разговоре он никакого исступления не показывал)»²⁰.

* мания величия с отдельными моментами просветления <сознания> (лат.).

Врач Элькан прямо заявил, что «он <Батеньков> намеренно производит перед начальством о себе мнение, будто он теряет или потерял рассудок»²¹. Наконец, нельзя игнорировать и свидетельство смотрителя Алексеевского рavelина Яблонского, который наблюдал Батенькова в течение 17 лет и за все это время не заметил помешательства²².

Сам Батеньков утверждал, что у него не было провалов в памяти, — он помнил даты и события тюремной жизни за все время своего заключения. Е. И. Якушкину Батеньков рассказывал в 1850-х гг., что «письма сумасшедшего» он писал Николаю I, желая посмеяться над ним, причем приводил по памяти одно из писем, в котором называл царя свиньей. Правда, этого письма в делах III Отделения нет, но есть другие подобного же содержания. В одном из них Батеньков писал: «Ревнитель Илия словом истребил дом царский, а слушай, как доселе он славен в народе. Надобно же его превысить <...> Государь, ты дурак. И тут же кнут»²³.

Приятель Батенькова, известный полярный путешественник М. М. Гендештром, говорил, что Батеньков симулировал сумасшествие, чтобы вырваться из каземата и попасть хотя бы в психиатрическую лечебницу.

Таковы свидетельства друзей Батенькова, его самого и официальных документов. Если уж брать все их в какой-то мере под сомнение, то, во всяком случае, нельзя признать правильным мнение Б. Л. Модзалевского о полной невменяемости Батенькова и лишь об отдельных моментах просветления его сознания. Скорее можно согласиться с С. Н. Черновым, высказавшим предположение о том, что у Батенькова в период его многолетнего одиночного заключения могли иметь место отдельные случаи потери душевного равновесия и затемнения рассудка²⁴. Двадцатилетнее одиночное заключение не могло не повлиять на психику Батенькова. Выйдя из рavelина, он страдал расстройством речи, не выносил тишины, отличался многими странностями. Осталась у него также и тюремная привычка к «жизни умом», к изощренному самоанализу; пробыв много лет в заключении, он отвык выражать свои мысли в форме, понятной для других; рукописи Батенькова 1840—1860-х годов поражают туманным изложением.

В «Тюремной песни» (1828) Батеньков свое состояние в Алексеевском рavelине описывает так:

Еще я мещен и творящих
Храню в себе зачатки сил
Свободных, умных, ясновзрящих.
Не подавит меня кумир.
Не раз и смерть своей косую
Мелькала мне над головою —
Я не боюсь ее. Сразит
Свое, чему нельзя быть вечно,
Иду, навстречу ей беспечно,
А дух, забыв ее, парит...²⁵

После смерти Бенкендорфа начальником III Отделения стал А. Ф. Орлов, в прошлом близкий знакомый Батенькова. Он облегчил узнику режим заключения и в январе 1846 г. доложил Николаю I, что III Отделению неизвестно, почему Батеньков содержится в крепости, в то время как другие осужденные по третьему разряду уже десять лет живут на поселении. Николай I ответил, что Батеньков находится в тюрьме по причине умственного расстройства. Командант крепости генерал Скобелев в своем рапорте отметил, что ни он, ни смотритель рavelина, состоявший в этой должности семнадцать лет, умственного помешательства у Батенькова не заметили. Только после этого Николай I дал согласие отправить Батенькова в ссылку²⁶.

Прибыв в Томск 9 марта 1846 г., Батеньков приобрел себе заимку неподалеку от города и построил там дом, «Соломенный дворец»²⁷. Он завязал оживленную переписку с С. П. Трубецким, С. Г. Волконским, Н. А. Бестужевым, Е. П. Оболенским, И. И. Пущиным, В. И. Штейнгелем, В. Ф. Раевским и другими сосланными декабристами. Особенно же подружился он с петрашевцем Э. Г. Толлем, отбывавшим здесь ссылку, и с сыном И. Д. Якушкина — Евгением Ивановичем, с которым познакомился, когда тот приехал в Сибирь для свидания с отцом. В дружеских отношениях был Батеньков также с семьей Менделеевых, особенно с братом Д. И. Менделеева — Иваном Ивановичем.

Кроме сельского хозяйства, Батеньков в Томске занимался переводами, писал статьи, очерки и исследовательские работы.

После амнистии Батеньков в 1857 г. поселился в имении А. П. Елагинной — вдовы друга его молодых лет, матери братьев Киреевских. Денежная помощь известного томского богача Асташева, а также те деньги, которые были конфискованы казной и потом возвращены ему, дали Батенькову возможность купить себе домик в Калуге, где он и прожил до самой смерти в 1863 г.

II

Возвратившись из ссылки, Батеньков рассчитывал жить литературным трудом. Он усиленно занимался переводами, писал публицистические и критические статьи, очерки, рецензии и т. д., но из всего им написанного были напечатаны только автобиографические «Данные» (в «Русском архиве»), и то лишь в 1881 г.

Следственное дело и большинство рукописей Батенькова не опубликованы. Поэтому в исторической литературе до сих пор господствует та оценка взглядов Батенькова, которая была сформулирована буржуазными историками, хотя она дает искаженное представление об этом своеобразном мыслителе.

Взгляды Батенькова в течение его долгой жизни менялись, но он всегда оставался противником абсолютизма, сторонником политических преобразований.

Любовь к родине и народу привела Батенькова в ряды декабристов. Он гордился Россией, понимая, само собою разумеется, под этим словом не царскую империю. «Россия, — писал он В. А. Арцимовичу, — как ни мало она устроена, все же сильный дух, солидарный в самосохранении. Нельзя о ней судить по одним сливкам и по сыворотке»²⁸. Отстаивая самостоятельные пути развития России, Батеньков в то же время отрицательно относился к идеализации порядков древней Руси, свойственной некоторым декабристам, и к теориям славянофилов.

Не отрицая необходимости использовать достижения западных народов в области науки и общественного устройства, Батеньков вместе с тем ратовал за то, чтобы Россия неизменно проводила собственную независимую национальную политику. В 1826 г. на следствии он признался, что в разговорах с декабристами осуждал реакционный Священный Союз, который «ограничивал самостоятельность России»²⁹. В 1845 г. Батеньков выразился еще более категорически: «Я не вхожу в рассмотрение дел Западной Европы, ибо и не знаю их, но нам необходимо стать особо (однако не так, чтобы отвергать их науку, политику, свободу)»³⁰. Позже, в 1855 г., Батеньков выражал неудовлетворенность политическим развитием Западной Европы. Так, он писал Е. И. Якушкину: «Отнюдь я не поклонник Запада и ничего не ищу в его формах. Прошло это время исторически. Однако правда и то, что у них было движение»³¹.

Батеньков, как и большинство декабристов, требовал уничтожения самодержавия и отмены крепостного права. Рассказывая на следствии о разногласиях в Северном обществе по вопросу о будущей форме правления в России, Батеньков заявил: «Мы согласились в том желании, чтобы приостановить действие самодержавия»³². Тогда же он признался, что в беседе с Трубецким перед восстанием 14 декабря говорил о необходимости прежде всего отменить крепостное право, в котором видел «непреодолимое препятствие» к «введению свободного правления в России».

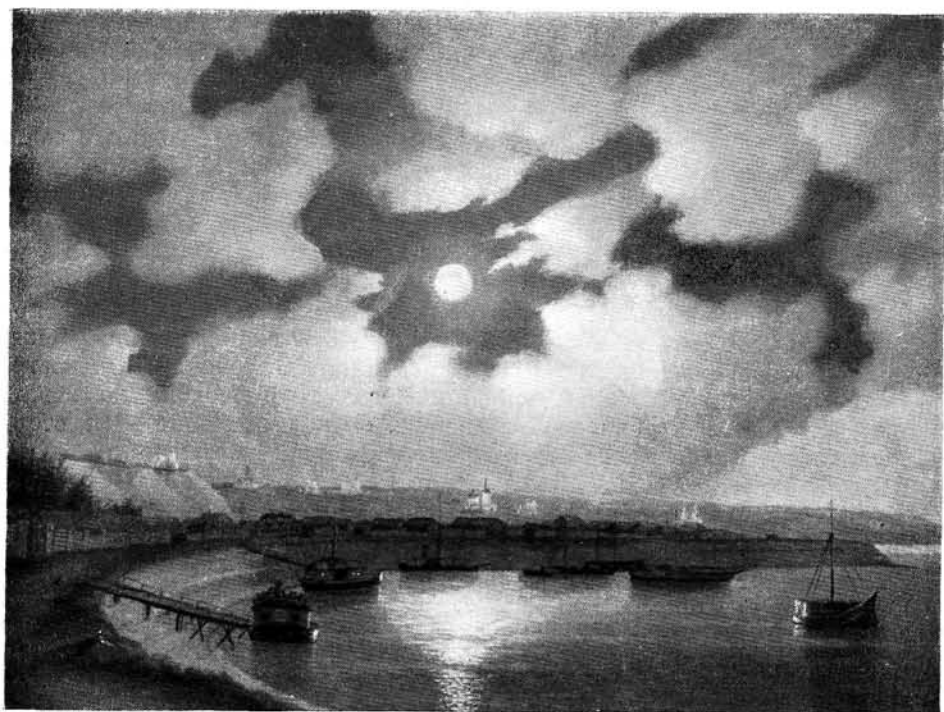
И позже Батеньков продолжал считать самодержавно-крепостнический строй отжившим, «мертвым». В 1845 г. он писал: «Чего желаем мы? Желаем отвержения этой мертвой формы. Без того нет ни утешения, ни примирения. Все успехи ложны, ибо идут во имя нашего ничтожества, но что в тысячу лет уже умерло, для чего же нам нести на себе»³³.

Распространенное мнение, будто Батеньков был «убежденным монархистом», основано на недостаточно глубоком и некритическом изучении следственных материалов. Прежде всего надо указать, что ответы допрашиваемых никогда нельзя брать на веру. Даже Рылеев в своем показании по делу Батенькова заявлял, что в Северном обществе «все согласно полагали, что представительное монархическое правление для России самое удобное и самое приличное». С другой стороны, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что возражения Батенькова против республики носили не принципиальный, а, так сказать, тактический характер. В одном показании говорится: «... республика устоять не может»; в другом: «еще не дозрели люди»; в третьем Батеньков утверждает, что конституционная монархия нужна как переходный этап: «Я с своей стороны доказывал <Рылееву> <...> что, по крайней мере для перехода, нужна сперва монархия». Необходимость переходной формы правления Батеньков видел в том, что многовековое господство самодержавия поработило народ не только физически, но и духовно; верховная власть, по его выражению, стала «идеей», а идеи одним актом не отменяются. «Я ничего не говорил решительного, — показывал Батеньков 22 марта 1826 г., — но доказывал только, что верховная власть яко идея не легко может быть присвоена, что одною силой утвердить ее в новом виде трудно»³⁴. Эту же мысль он высказывал и в сороковых годах: «Самодержавное порабощение наше, без сомнения, несравненно глубже, нежели возможно достигнуть туда наукою»³⁵. Кроме того, надо напомнить, что Батеньков высказывался за сохранение лишь видимости монархического правления. По его мнению, на престоле следовало оставить или кого-нибудь из женщин царской семьи, или малолетнего сына Николая I. Именем такого номинального монарха он и считал возможным провести социальные и политические преобразования России. 1 февраля 1826 г. Батеньков, отвечая на вопросы следствия, писал: «Ведя разговор о том, что обеспечение представительного правления на твердой земле составляет важный вопрос, потому что монарх-завоеватель легко может оное ниспровергнуть, объявил свою мысль, что вопрос сей разрешается без труда, а именно возведением на престол особы женского пола»³⁶. После вступления на престол Александра II Батеньков склонен был пересмотреть свое отношение к неограниченной монархии.

В письмах к Е. И. Якушкину он допускал возможность общественной поддержки «умного деспотизма» при условии, если деспотизм изменит методы управления государством, на что он, впрочем, не надеялся. Он писал: «необходимо было бы улучшить начала, не почитать Россию огромным поместьем и всех нас имуществом, не стремиться обратить его в военную славу и не полагать главным цементом уголовный кодекс, тюрьмы и арестантские роты. Но это пути сообщения тирании,

она влюбилась уже в них как все большинство в железные рельсы — по ним легко двигаться на простых парах и надобно только разветвлять и размножать»³⁷.

Характеристика Батенькова как поклонника английской конституции тоже не совсем верна. Действительно, в период следствия Батеньков говорил о своем уважении к английской конституции, однако возможность ее применения в России, как и возможность применения любой другой иностранной конституции, отрицал из-за ее несоответствия русским условиям. Более того, признавая федеративное устройство наиболее рациональным

ТОМСК

Этюд маслом П. М. Кошарова, 1860-е годы
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

для России, Батеньков считал, что каждая автономная часть федерации должна иметь свою конституцию, разработанную применительно к местным условиям. 1 февраля 1826 г. Батеньков признавался, что в беседах с декабристами говорил: «конституция есть не что иное как нравы <...> местные различия всегда важнее в таком обширном государстве, как Россия»³⁸. В письме к Е. И. Якушкину в 1856 г. он повторил ту же мысль: «Априорические конституции всегда являются мirageм»³⁹.

В другом письме того же года он пишет: «Сами видите, законодательство наше отрицает или, по крайней мере, не признает ни истории, ни этнографии, ни климатологии и не ищет никаких данных в основание»⁴⁰. В 1845 г. Батеньков считал еще, что английская конституция может явиться для России «первой буквой», но через десять лет заявил: «... ясно стало, что Англия выразила свободу только на срок и так неполно, что в самой себе содержит неотвратимое разрушение. Через нее можно усомниться и в Америке»⁴¹.

Весьма интересны высказывания Батенькова о войне. Войны и завоевания Батеньков порицал, заявляя, что государства, основанные на завоеваниях, непрочны, что войны дурно отражаются на моральных качествах народов, что военные расходы отягощают народное хозяйство. Справедливыми и допустимыми Батеньков считал лишь «войны за свободу». Образцом миролюбивого народа Батеньков называл китайцев. Возражая против взглядов на китайцев как на «варваров», он признавал закономерность особых путей развития Китая.

Мировоззрение Батенькова необходимо изучать на основе его документального наследия. Выполнить эту задачу нелегко: с одной стороны, нормальный процесс развития взглядов Батенькова был нарушен его двадцатилетней изоляцией; с другой — в его высказываниях немало противоречий. Кроме того, неясность, или, как он сам говорит, «трансцендентность», выражений «с пийтическими подмостками и реактивами» нередко мешает правильному пониманию его высказываний.

Батеньков называл себя философом и всю свою долгую жизнь занимался изучением философских систем. Однако его нельзя безоговорочно назвать сторонником какой-либо определенной философской школы. В ранней молодости (1812—1813) Батеньков усердно изучал произведения Канта, Шеллинга, Фихте, затем с неменьшим интересом увлекался учением французских материалистов XVIII в., позже изучал Гегеля. С молодых лет Батеньков интересовался моралистическими теориями масонов и был членом масонских лож в Петербурге и Томске. В философских записках Батенькова (а их сохранилось немало) встречается множество противоречивых высказываний, вследствие чего трудно охарактеризовать систему философских взглядов Батенькова. Одно несомненно — он стоял на идеалистических позициях, но отрицал крайние его течения.

Некоторые философские положения, усвоенные Батеньковым в молодости, оставались его твердыми убеждениями в течение всей жизни. К ним в первую очередь относится учение о естественном праве человека и учение о роли и значении идей. К этому последнему вопросу Батеньков возвращается во многих своих работах. Говоря об истории государств, он утверждает, что царства разрушались лишь потому, что «не имели в основании идей. Делом стояли они»⁴². Говоря о правительстве, обществе, литературе, он требует, чтобы в основу их была положена идея. «Идея, — говорит он, — сильнее оружия», «идея подобна воздуху — чем больше утесняется, тем сильнее»⁴³. Батеньков имеет в виду прогрессивные идеи, двигавшие общественное развитие вперед. Реакционные ложные теории и движения Батеньков считал обреченными: «все ложное и мертвое необходимо <неизбежно. — Т. С.> минет»; «все минувшее можно назвать несовершенным»; «действительно — разумное»; «вольные и либеральные мысли, дела, оппозиции, реформы, изменения форм и порядков стали быть законными, правом, долгом и неоспоримо благотворными», — писал он⁴⁴.

Выше уже было сказано, что Батеньков имел незаурядные математические способности. В молодости он изучал высшую математику и воспринял эту науку как метод, который и распространил на изучение философии, социологии, литературы, искусства и т. д. «Современники, — говорит Батеньков, — мне первому приписывали введение математического приема к выражению всякого рода мыслей»⁴⁵. Философию же он призывал на помощь для разрешения проблем математики: науку эту без философии он рассматривал как «чистое рукоделье».

В начале двадцатых годов Батеньков намеревался всецело посвятить себя математике, он собирался даже преподавать ее в высших учебных заведениях. Она была для Батенькова не только философией, но и поэзией: ей он посвятил стихи, ею вдохновлялся и, восхищаясь ее могуществом, в стихотворении «К математике» предсказывал, что

она раздвинет горы, проложит дороги под реками и будет вести по морям «корабли над кораблями»:

Чтоб царь земли прошел спокойно
По всем владениям своим,
Велишь горам, чтобы покорно
Челом ударили пред ним.
Края ты бездны съединяешь,
С громами тучи отгоняешь,
Корабль над кораблем ведешь...⁴⁶

Много занимался Батеньков и изучением истории. Правда, больших работ по истории Батеньков не оставил, если не считать переводов, но отдельные его записки говорят о том, что он хорошо знал историю России, древнего мира, средневекового Запада, Востока. Почти каждой своей работе Батеньков предпосылал обстоятельный исторический очерк. В записке «Нечто об истории» Батеньков так определял сущность истории: «История—не приложение к политике или пособие по логике и эстетике, а сама политика, сама логика и эстетика, ибо нет сомнения, что история премудра, последовательна и изящна». В отличие от многих декабристов Батеньков не идеализировал вечевые порядки и политическое устройство древней Руси, но, так же как Н. М. Муравьев, высоко оценивал реформы Петра I.

Прочитав «Историю государства Российского» Карамзина, Батеньков, отдавая должное ее литературным достоинствам, заявил, что «в ней немного истории». Такую «историю», где все совершается героями, Батеньков называл «подложной историей»,— не потому, что документы, на основе которых она писалась, были подложными, а «потому что они неудовлетворительны, сомнительны, потому что не выносят ученой критики». «В старое время так думали,— пишет он,— что было бы, еслиб такой-то князь перешел на такое-то место, еслиб у такого-то царя был сын, еслиб такой-то герой не родился <...> Вот бы пропали то!»⁴⁷

Большой интерес проявлял Батеньков к географии и этнографии. Еще в юнестве он мечтал о полярных путешествиях, и когда во время службы в Сибири познакомился с путешествовавшим по Северу М. М. Геденштромом, намеревался даже осуществить свои мечты. Только приезд Сперанского и новые перспективы отвлекли его от этой мысли.

В стихотворении 1815 г. он писал:

В стране Борея вечно льдистой,
Где нет движенья веществу,
Где магнетизм владеет чистый,
Все смерти дань, как божеству.
Где солнце полгода сияет,
Но косо падая на льдах,
Луч яркий в радужных цветах
Скользит — и тотчас замерзает...⁴⁸

Работы Батенькова по этнографии представляют собой весьма солидные исследования. Особенно надо отметить его большой (700 страниц) труд «О заселении Сибири» и статью, напечатанную в «Сыне отечества» в 1822—1823 гг. (чч. 81, 83, 84, 85),— «Общий взгляд на Сибирь». Эти работы ценны богатыми статистическими данными, собранными и обработанными автором.

Многие труды Батенькова посвящены экономическим вопросам. Правда, его записки по политической экономии не оригинальны, в них много заимствованного у Адама Смита; когда же он пытается сказать что-либо новое, то теории его оказываются далеко не научными (напри-

мер, «Деньги есть ближайшая реализация числа в фактах цивилизации»). Однако практические экономические работы Батенькова интересны и ценны. Особенно много в этом отношении уделял Батеньков внимания Сибири, которую он называл «маховым колесом для движения неизмеримого нашего отечества». Кроме того, Батеньков написал несколько исследований о золотопромышленности, финансах России, о путях сообщения, о сельском хозяйстве, народнохозяйственных задачах правительства, о статистике и т. д.

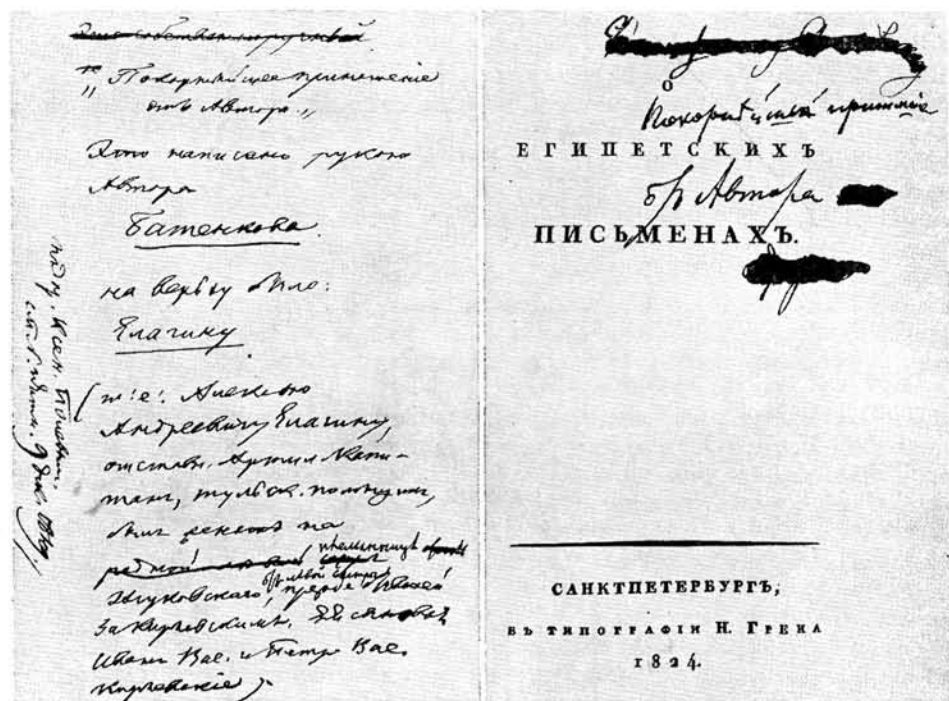
С 1819 г. Батеньков под руководством М. М. Сперанского начал изучать право и вскоре приобрел большие познания в области государственного права и законодательства. Об этом говорят написанные им уставы («о ссыльных», «о ясашных» и пр.) и некоторые неопубликованные работы — «Мысли о своде законов», «Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению кодекса законов о наказаниях», «Опыт теории правительственных установлений» (1846) и др.

Невозможно перечислить все отрасли знаний, которыми занимался Батеньков. Отметим еще лишь некоторые работы по педагогике и лингвистике. Записки и заметки Батенькова о просвещении и образовании оригинальны и содержат мысли безусловно прогрессивные для своего времени. Установив прежде всего разницу между просвещением и образованием, Батеньков говорит, что русский народ уже нельзя назвать «непросвещенным». «В русском народе,— писал он в 50-х годах,— примечается не то, что называем в тесном смысле просвещением (наукою). В нем есть уже просвещение в обширном смысле, то есть частное сознание, частью безотчетное чувство того положения, которое занимает он в мире и к которому шел последовательно в продолжение десяти веков. Это и есть дух народный»⁴⁹. Батеньков утверждал, что «наше просвещение есть русское, национальное». Кроме того, тезис о просвещенности русского народа, как видно, являлся для Батенькова политическим аргументом в борьбе с теми, кто откладывал изменение государственного строя в России до какого-то неопределенного времени, когда «русский народ станет просвещенным народом». Из сказанного выше нельзя сделать вывод, что Батеньков противопоставлял просвещение образованию или недооценивал образования. Наоборот, он весьма решительно ратовал за распространение образованности в народе и, в частности, предлагал повсеместно применить в начальных школах популярный тогда метод взаимного обучения; особенно упорно отстаивал он необходимость среднего образования, которое, по его мнению, «одно может служить широким национальным основанием». Постановку учебного дела в средних школах Батеньков жестоко критиковал. Гимназические программы, планы и учебники он считал совершенно неудовлетворительными. «Все они до одного,— писал он,— не исключая закона божьего, достойны на растопку камина. В них ни мало не было в виду дать ребенку прочные понятия, любовь к науке, удовлетворение первого его любознания и легкого склона к занятию во всю жизнь наукой. Высокоученые <мужи> вытряхнули в них всю свою начитанность, переполнили школьными спорами, размножением систем, цитатами, собственными именами, цифрами на каждой строчке, тысячами технических названий и энциклопедических формул и фраз. Никакой нет возможности самому прилежному и даровитому дитяти иметь успех, и тяжело смотреть на труженика, выучивающего наизусть по десять и более страниц на непонятном для него языке и забывающего всё через неделю». Говоря о школьных делах, Батеньков иронически замечает: «Право, лучше уж, не уча русской грамоте как составляющей уже теперь частный вид, прямо начинать с санскрита»⁵⁰.

Батеньков призывал всех писателей и ученых, «по примеру знаменитого Новикова, серьезно приняться за дело не весьма блистательное, но

решительно необходимое»: составить учебники и книги для школы. Наряду с этим он требовал расширения сети средних и высших специальных учебных заведений, чтобы удовлетворить потребность страны в технической и иной интеллигенции. В частности, он предлагал учредить при университетах факультеты географии и этнографии и ввести в начальных школах преподавание основ геометрии.

Уделяя много времени занятиям языками, Батеньков самостоятельно изучил французский, немецкий, латинский, греческий и древнееврейский. Принято считать, что древние языки Батеньков изучал в заключении.

КНИГА Г. С. БАТЕНЬКОВА «О ЕГИПЕТСКИХ ПИСЬМЕНАХ». ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА А. А. ЕЛАГИНУ, 1824 г.

«[Елагину] покорнейшее приношение от автора [...]

Фамилия Елагина зачеркнута, вероятно, после декабря 1825 г. Принадлежность книги Елагину устанавливается пометами позднейшего владельца С. Д. Полторацкого, получившего ее в подарок от Кс. Полевого.

Титульный лист и форзац книги
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Это не совсем верно. Древними языками Батеньков занимался еще в 1817—1825 гг., о чем свидетельствуют словари и книги на древних языках, названные в описи его библиотеки. В тюрьме, где ему разрешали читать только евангелие, он выписал эту книгу на многих древних языках, очевидно, для того, чтобы, читая тексты, параллельно углублять свои познания в древних языках. Батеньков знал также английский и татарский языки. С татарским Батеньков познакомился еще в детстве и, по его словам, писать начал не по-русски, а по-татарски. Пытался Батеньков даже научиться разбирать древнеегипетские иероглифы, которыми интересовался Сперанский. Они вдвоем несколько раз в течение 1819—1825 гг. возвращались к изучению их.

Внимание Батенькова привлекала история и теория русского языка. Он посвятил этим вопросам несколько самостоятельных записок и часто

касался их в статьях, заметках и письмах. Совместно с Гречем и Полевым Батеньков участвовал в составлении грамматики русского языка. «Должен был прочесть всю систему спряжений Полевого и Греча, — писал он в марте 1824 г. А. А. Елагину. — Долго было бы толковать, в чем они правы, в чем не правы, где умничают и где дурачатся <...> Греч обещается прислать на днях и остальные свои тетради...»⁵¹.

Как и многие декабристы, Батеньков был противником замены русских слов иностранными, однако считал, что, при отсутствии в русском языке соответствующих слов для наименования тех или иных отвлеченных новых понятий или предметов, лучше не выдумывать русские, а употреблять иностранные слова, разработав лишь правила их правописания и произношения. Резко выступал Батеньков против другой крайности — против теорий А. С. Шишкова, которого он иронически называл «поборником фиты и ижицы, мощным карателем оборотного „э“ и незаконного „е“ с двумя точками». Когда Шишков занял должность министра просвещения, Батеньков выразил опасение, что он авторитетом власти попытается воздействовать на русский литературный язык. В присущей ему сатирической манере Батеньков в мае 1824 г. писал А. А. Елагину: «... из русского лексикона хлынут эмигранты, принадлежащие к шайке инсургентов новой школы. *Влияние* уступит *наводнению*, *гений* заменится *розмыслом*, *уважению* явится на смену *главенство* <?> и *соображение* запищит под пятою *умозаключения*. — „Быша“ и „убо“ всплывут наверх, яко елей на источнике водном, имена займут принадлежащее им место на правом, а все глаголы на левом фланге периодов и таким образом устроится боевой порядок против нечистой силы карамзинизмов, жуковскоизмов, пушкинизмов...»⁵². В том же письме Батеньков заявлял, что не желает употреблять ни «оного» ни «сего», и действительно, в его рукописях мы почти не встречаем этих слов.

Литературный язык Батеньков делил на язык художественной литературы и язык научных трактатов, юридических и официальных актов, считая, что каждая из этих ветвей русского литературного языка может и должна иметь только ей присущие особенности и свои собственные пути развития. Выдающееся место в истории развития литературного языка юридических официальных документов Батеньков отводил Сперанскому, чьи заслуги в этой области он сравнивал с заслугами Карамзина и Пушкина в художественной литературе.

Интерес к литературе пробудился у Батенькова еще в отрочестве. В своих воспоминаниях он писал, что, получив после смерти отца свободу, он подружился с подмастерьями и часто бегал в иконописную мастерскую одного своего родственника (с материнской стороны), где в перерывы или во время работы читали книги, «а после, как умели, старшие разбирали их». «Живительнее всего, — пишет Батеньков, — были сочинения Карамзина „Путешествие“, „Аглая“, „Бездежки“. Иногда восторгались и парили с Державиным и находили ближе к сердцу Дмитриева, Богдановича, Долгорукова»⁵³. Во время учения в корпусе влияние на литературные интересы Батенькова имела дружба его с В. Ф. Раевским. Даже в Сибири, в пору многосторонней деятельности Батенькова, его интерес к литературе не угас. Поддерживая постоянную переписку с А. А. Елагиным и В. Ф. Раевским, Батеньков получал литературные новинки. 20 июля 1817 г. он писал Елагину: «Тебе известно, что я люблю словесность и следственно прочесть хорошее творение всегда мне приятно. Зачем же прямо не прислал всего того, что Жуковский тебе сообщил?» В том же письме Батеньков просил Елагина письменно познакомить его с Жуковским, что, очевидно, тот и сделал.

Приехав в 1821 г. в Петербург, Батеньков был введен Сперанским в общество высших чиновников, а зятем Сперанского, Багреевым — в

светский круг. Однако не чиновничество и не «свет» интересовали Батенькова. «Мне хотелось,— пишет он, — познакомиться с учеными и литераторами. Начал с Воейкова, через Жуковского, а потом встречал всех у Греча. У последнего были приятные вечера, исполненные ума, острот и откровенности. Здесь узнал я Бестужевых и Рылеева»⁵⁴. С Гнедичем, Н. И. Тургеневым, Н. А. Бестужевым и некоторыми другими литераторами Батеньков познакомился на «четвергах» у Сперанского. Особенно сблизился Батеньков с Жуковским, Николаем Бестужевым, Корниловичем, Дельвигом и автором «Дурацкого колпака», В. С. Филимоновым. Вспоминая впоследствии эту пору жизни, Батеньков писал: «я <...> пустился в литературу, в политические толки и, рассеявшись в суетности, почти расстался с математикой, с делами и со Сперанским»⁵⁵. И действительно, с мая 1823 г. и до конца 1825 г. Батеньков был постоянным участником литературных вечеров и вообще литературной жизни Петербурга. Из сохранившейся переписки его с Елагиным мы видим, что он был в курсе всех литературных событий и новостей. Известную агитационную песню Рылеева «Ах, где те острова...», которая, по мнению литературоведов, сочинена была в начале 1824 г., Батеньков цитировал уже в первых числах марта 1824 г.

Мысли Батенькова о современной ему литературе отражают мнения прогрессивных литераторов, с которыми он общался. В его письмах рассеяны насмешки над Тредьяковским, Шишковым, Хвостовым, Каченовским, Булгариным и т. п. «Битва между Булгариным и Измайловым продолжается,— писал он в мае 1824 г.— Ежели правда, что судьба предоставляет решительную победу одной правой стороне, то нам не дожидаться конца сей чернилопролитной брани». Сообщая Елагину о своем недомогании, Батеньков в декабре 1824 г. в шутку объяснял ему, что причина болезни — сон: он видел во сне приятеля Елагиных, П. С. Граве, «с тюком каченовщины, со стихами на губах и с Дураковым в сердце».

Батеньков не только наблюдал события литературной жизни, но и активно участвовал в них. В начале 1825 г. он писал Елагину: «На „Телеграф“ собирается сильная экспедиция: всячески стараюсь смягчить ее удары и чуть уже не поссорился с польским выходцем <Булгариным>, который, мимоходом сказать, что-то поморщился, когда я пострашал его Одоевским».

Иногда литераторы собирались у Батенькова на «холостяцкие вечера». «У меня сегодня весь петербургский Парнас»,— писал он 20 января 1825 г. Здесь вели литературные и политические дискуссии, читали новые произведения, иногда музицировали. На одном из таких вечеров в начале 1825 г. была исполнена «Черная шаль» Верстовского на слова Пушкина⁵⁶.

С Пушкиным Батенькову познакомиться не удалось, но он высоко ценил гений Пушкина и уже в начале двадцатых годов считал поэта главой нового, романтического направления в литературе.

Вернувшись из сибирской ссылки в Россию, Батеньков снова пытался войти в литературный круг. Он переписывался с Гоголем, Некрасовым, Полевыми, Краевским, Аксаковым, Хомяковым, Бартевым, встречался с московскими литераторами на вечерах у М. С. Щепкина. Но такой активной роли, как в двадцатых годах, Батеньков играть уже не мог.

III

Еще в молодости Батеньков начал писать стихи, называя себя «военно-походным поэтом». Геденштром рассказывает, что Батеньков «легко и много писал стихов; я много читал его басен, но и тут только сатира, сарказм, более на известных лиц и нравы»⁵⁷. Эту особенность признавал

за собой и Батеньков. «... люблю обнаруживать смешное во всем, где бы оное ни скрывалось», — писал он Елагину. Поэтическое творчество, по словам Батенькова, давалось ему не так легко, как полагал Геденштром, и редко оставался он доволен своими произведениями. «Я все же попрежнему не перестану писать, — заявляет он Елагину. — Жаль только, что в упрямстве сего рода не превзойду автора Андромахи и бессмертного певца Телемака. Разве тем перещеголяю их, что

Я и то люблю писать,
Чего не примут и в печать»⁵⁸.

Важнейшая тема творчества Батенькова — любовь к родине.

Я — русский, гордо бьется сердце
При имени России...

Батеньков считал, что именно в поэзии с особой силой проявляется красота русского языка, что поэт своим творчеством способствует прославлению родины.

Когда без всякого покрова
Певец увидит красоту
И звуками родного слова
Оденет легкую мечту,
Он все отечество возносит...⁵⁹

Стихотворения Батенькова, посвященные России, это не только хвалебные гимны красоте и величию страны, где никогда «не перестает сиять светило дня», — в стихах выражается уверенность в великой судьбе русского народа. Народ

Становой горб столкнет надменный,
Торопца лоб взнесет смиренный,
Лишит Сибирь потопных вод,
Прорвет Хвалынского преграды,
Все Черное сожмет в огады,
Пересоздаст Яфетов род...⁶⁰

Даже в мрачном каземате Алексеевского равелина Батеньков славил родину, предсказывая ей светлое будущее:

Светися, красная, светися
В холмах седых, Россия мать!
До палм Сиона вознесися.
Его с тобою благодать.
В тебе да будет непорочность,
В тебе да будет силы прочность,
Богатство, слава притекут,
Урал под золотом прогнется,
В алмазах Волга разольется,
Зев Дона жемчуга запрут⁶¹.

Отводя поэтам важную роль — освещать своими пророческими стихами будущее России —

Твои певцы тебе укажут
Судеб господних глубину...

отрывки, Копишкин.

Сестры! Как там очень летели,
Как бегут, величаво и просто!
Красота их нуду раскрывает,
и душой разнухав ^{наполюно} Козырь,
Милостив навздух ~~вот так~~,
Души. Сидит. Села. Свободно,
и слышит обиды и Давид. —
Но Вера у Даркоста, Визутир
и нудно в Сидит. Милостив...
и текет. Туда. Ничего не может.

II.

Сестры! Милостив нуду по Даркост
Сидит. Даркост. Милостив
и слышит обиды и Давид. —
Но Вера у Даркоста, Визутир
и нудно в Сидит. Милостив...
и текет. Туда. Ничего не может.

АВТОГРАФ ОТРЫВКОВ ИЗ «ТЮРЕМНОЙ ПЕСНИ» Г. С. БАТЕНЬКОВА, СОЧИНЕННОЙ
В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ В 1828 г. И ПОЗДНЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕННОЙ ПО ПАМЯТИ

Лист рукописной тетради, подаренной Батеньковым С. П. Трубецкому

Центральный исторический архив, Москва

— Батеньков предсказывал расцвет русской поэзии:

Исчезнут слабые творенья.
Как Тенериф, свой пик взнесут
Певцы великого размера
И можно там спросить Гомера,
Где лавры для венцов растут...⁶²

Интересно отметить, что в патриотических стихотворениях Батенькова мы не встречаем ни шовинизма, ни восхваления завоеваний, ни даже похвалы безусловно заслуженной славе русского оружия. Все его желания и стремления относятся к переустройству внутренней жизни России. Главное в жизни России, — по мысли Батенькова, — это ее движение к великому будущему.

Самым большим по объему стихотворением Батенькова, написанным во время одиночного заключения, является «Тюремная песнь» (1828). Батеньков рассказывал, что в Алексеевском равелине ему не давали ни бумаги, ни чернил, и поэтому он сочинял стихи «на память». Позже, выйдя из крепости, он частично восстановил и записал их. Сохранилось несколько записей «Тюремной песни», сделанных Батеньковым в разные периоды жизни. Наиболее обширная из них — та, которая была подарена Батеньковым С. Н. Бибиковой — дочери Никиты Муравьева.

В конце тетради, содержащей этот вариант песни, Батеньков написал: «Это была полная, законченная песнь. Не было средств записать ее. Составленная на память <она> невозвратно забыта. Здесь представляются отрывки. Есть и другие песни, но изменяет во многом воспоминание. Здесь только ответ на вопрос, как можно человеку жить в тесном заключении одному почти четверть века в цветущие лета жизни»⁶³.

«Тюремная песнь» в том виде, в каком Батенькову удалось ее вспомнить, состоит из 50 строф, а каждая строфа из 10 строк. Написана «Песнь» четырехстопным ямбом, строки рифмуются в таком порядке: первая с третьей, вторая с четвертой, пятая с шестой, восьмая с девятой и седьмая с десятой. Эта строфа характерна для большинства стихотворений Батенькова.

«Тюремная песнь» — то произведение Батенькова, на котором наиболее сильно сказалось влияние Державина. Начало «Песни», строки, посвященные «богине светлой» («вдохновению»), звучит совсем по-державински:

...Богиня светлая предстала,
«Я мать певцов, — она сказала, —
И, вняв усердный глас мольбы,
Тобою к небу возносимый,
Даю удел, тобой просимый,
И жезл переломлю судьбы.
Будь жив дарами вдохновенья,
Из них текут людей умы,
Небесного благословенья
Принять не могут дети тьмы.
Да будет путь твой — просвещение,
Да будет вышнему служенье,
Воззри на свет моих миров!»
Молился я и удивлялся,
Как весь состав мой изменялся,
И темный пал с очей покров⁶⁴.

«Песнь» состоит из картин, мало связанных одна с другой. Сам Батеньков располагал их в разное время по-разному и часто пользовался отдельными строфами для иллюстрации своих мыслей.

В «Тюремной песни» отразилась романтическая теория вдохновения:

Когда, земное оставляя,
 Душа бессмертная парит,
 По воле все располагая,
 Мир новый для себя творит,
 Мир светлый, стройный и священный,
 Когда один я во вселенной,
 Один — и просто божий сын.
 Как пульс огнем, не кровью бьется,
 Тогда и песнь рекою льется,
 И языка я властелин⁶⁵.

Следует отметить, что только в своих тюремных стихах Батеньков требовал от поэтов, чтобы они оставляли «все земное». До заключения и после него он обыкновенно осуждал мифологические сюжеты, выпренность и ходульность, присущую стихам некоторых его современников. Но и среди пышных аллегорий, которыми наполнены строфы «Тюремной песни», встречаются картины, вполне конкретного содержания; «видения» Батенькова часто таят в себе скрытую за цветистыми фразами социальную идею:

Смотри! там лаву по долине
 Седая Этна пролила,
 И много лет прошло доньше,
 Как лава в пламени была.
 Там розу девушка срывает,
 Там земледелец хлеб снимает,
 Там ратник точит ржавый меч.
 Как тихо здесь успокоенье...
 Но в глубину пусть вникнет зренья —
 Огонь все продолжает течь⁶⁶.

Из лирических стихотворений Батенькова сохранились до нашего времени (главным образом в архиве Елагиных) немногие: «Ты что-то читаешь...», «Люблю я тебя, молодая...». Сохранились также переводы псалмов. Подбор их, фразеология, принятая Батеньковым, не оставляют сомнения в том, что в псалмах он хотел выразить не религиозные идеи, а возмущение несправедливыми общественными делами и порядками:

Зачем волнуются языки
 И люди учатся тщете?
 Везде бессмысленные лики
 И поклоненье темноте.
 Цари собираются земные
 С толпою низких их рабов,
 Горой упасть стремятся злые
 На бога и его сынов...
 ...Цари и сильные, внимайте!
 Ищите жизни вы в делах,
 Со страхом божьим управляйте
 И трепещите на пирах!⁶⁷

Если сравнить стихотворный перевод с текстом псалма, то цель Батенькова станет вполне ясной. Две последние строчки первой строфы

Батеньков вставил от себя, в тексте псалма их нет. В начале второй строфы он строку, в которой, после царей, говорилось о совещаниях князей, заменил строкой, говорящей о низких царских рабах. Две последние из приведенных строк соответствуют следующим словам подлинного текста псалма: «Служите господу со страхом и радуйтесь с трепетом». Как мы видим, Батеньков коренным образом изменил их.

Мы привели отрывки лишь из некоторых поэтических произведений Батенькова; сохранилось их значительно больше («Песнь девы», «Отрывок», «Таинство», «Песнь Симеона» и др.). Поэтическому творчеству Батеньков посвящал немало времени, но свои стихи он не всегда находил удачными. «Я поэт, — писал он, — но поэзия моя не легче моей философии»⁶⁸.

Из прозаических произведений Батенькова сохранились лишь отрывки «Нескладного романа». По содержанию чернового письма Батенькова к А. А. Краевскому видно, что в конце сороковых годов он посылал Краевскому нечто вроде романа в форме переписки трех друзей.

Из драматических произведений Батенькова до нас дошло только второе действие пьесы «Борис Годунов». Кроме того, сохранился перечень действующих лиц и план драмы «Ум в форме драматической». Действие драмы «Ум» должно было разворачиваться в Риме в I в. н. э. Эту драму Батеньков называл автобиографической. Главные действующие лица: «Христианин Гавриил» (Батеньков), «государственный муж Михаил» (Сперанский), «поэт пророк Аполлос» (Рылеев?) и какое-то «главное лицо» — «Дионисий». Кого имел в виду Батеньков, когда создавал Дионисия, трудно понять, не зная текста. Батеньков замаскировал «главное лицо» довольно тщательно, а оно-то как раз и представляет наибольший интерес. Первое действие озаглавлено «В семействе Гавриила»; оно, как видно, должно было воспроизвести жизнь Батенькова в Сибири. Второе действие — «В Комитете», очевидно, отражало события 1825—1826 гг.; третье действие — «В тюрьме» — одиночное заключение. По названию четвертого действия, «Обращение Дионисия», и пятого, «Развязка», трудно судить об их содержании. В форме аллегорий Батеньков мог бы сказать больше, чем рискнул сказать в своих мемуарах, вот почему утрата этой пьесы — весьма существенная потеря для исследователя.

Вторую пьесу о событиях в Московском государстве в начале XVII в. мы называем «Борис Годунов» условно, руководствуясь лишь пометой Батенькова на полях рукописи: «Из Бориса». Сохранившиеся десять листов второго действия этой пьесы (а написано было больше) показывают, что при основательном знании истории, а также языка и быта начала XVII в., при явном стремлении Батенькова сделать драму сценичной (сложная интрига, хоры и т. п.) она все же как драматическое произведение слаба. Монологи слишком растянуты, вся пьеса мало динамична и вообще недоработана. Действующие лица, кроме Годунова, Шуйского и некоторых других, обозначены буквами и цифрами: «боярин А», «боярин Б», «дворянин I», «дворянин II» и т. д. В то же время эта пьеса, в отличие от других литературных произведений Батенькова, написана простым языком, без присущей Батенькову туманности выражений. И в ней — хотя и косвенно — отразились события «нового смутного времени» — 1825 г.⁶⁹

Занимался Батеньков и литературной критикой. Он воспитывался на литературе XVIII в. и первых годов XIX в., но тем не менее был непримиримым врагом классицизма. Среди поэтов XVIII в. он признавал только Державина, которому подражал во многих своих стихах («В стране Борея», «Тюремная песнь», переводы псалмов и т. п.). В конце двадцатых годов, вопреки насмешливой критике, которой подвергала литературная молодежь поэзию Державина, Батеньков писал:

Когда восторженной душою
 Державин звезды с выши здел,
 Как в мразный ясный день зимою
 Пылинки инея, удел
 Ему, тот дан для миллионов,
 Чтобы возвысить дух Солонов,
 Мелькнувших в Севере тогда...⁷⁰

В первой половине двадцатых годов Батеньков считал себя сторонником романтизма. В 1824 г., когда А. С. Шишков был назначен министром просвещения и некоторые литераторы оценивали его назначение как победу классицизма, Батеньков писал Елагину: «Итак, наконец, судьба романтической поэзии решена. Сие исчадие модных лет, сей бабловень безбородых пестунов обязан обратиться в первобытное свое небытие. Седой классицизм возьмет принадлежащие ему права»⁷¹. С течением времени романтическая поэзия, и в частности произведения Жуковского, перестала удовлетворять Батенькова. В 1849 г. он писал Елагиной: «Поэзия теперь окована схоластическими и мифологическими формами: она в куколке, труп минувших веков еще не убран»⁷².

Батеньков был высокого мнения о роли поэзии и призвании поэта. Поэт

Такую должен класть печать,
 Что в тоне, красках песнопенья
 Без святотатства и смятенья
 Нельзя и черточки отнять⁷³.

Предъявляя высокие требования к поэзии, Батеньков, вместе с тем, осуждал поэтов и писателей за то, что пишут они «лишь для людей образованных» и не стремятся сделать свои произведения доступными для народа. «Новые писатели, — писал он Ф. В. Чижев в 1858 г., — при всем их огромном достоинстве обращаются вообще в кругу читателей, получивших университетское образование <...> При всей высоте и изяществе их языка, они не тяготеют и не проникают в глубину <общества>»⁷⁴. Батеньков не ограничивался отдельными критическими высказываниями о литературе своего времени, но и пытался (в конце 40-х годов) обобщить историческое развитие новой русской литературы, «первым меридианом» которого он считал XVIII век.

В истории новой русской литературы Батеньков видел три вершины, три «шпиля», по его выражению: это Ломоносов, Карамзин, Пушкин. Каждый из них был главою русской литературы в определенный период ее развития. Эпоху Ломоносова Батеньков назвал «эпохой образования костей, в состав которых вошли: просвещение, живая вода и органичность великого народа». Рассматривая историю литературы более широко — как «историю словесности», Батеньков заявлял, что произведения Ломоносова неполно отражают развитие литературы того времени. «Ломоносов, — пишет он, — вместе со своим веком значит обновление словесности в духе, идее и форме. Он выразил это обновление как представитель и с тою естественною неполнотою, которая свойственна всякому представителю. Полноты этой не могло быть ни в гении его, ни в деле уже по тому одному, что он не занимал центрального места в обществе. Он не видел или едва видел по проспектам политическому и церковному». Батеньков считал, что полноту развития русской словесности в XVIII в. могло бы отразить лишь «слияние» или «эксцентричное соединение» Ломоносова с Петром I. «Слейте Ломоносова с Петром — точно будет уже средоточие». Время Карамзина Батеньков характеризовал как такой период, когда «исправление и усовершенствование готового основания» не могло уже удовле-

творить «потребности в расширении и углублении литературы». Этим потребностям, по словам Батенькова, и удовлетворял Карамзин, который «обильнее напился живой водой, доводит ее до самого городского населения и открывает, что в общем тоне просвещения уже она туда достигла».

Пушкинский период Батеньков определил как время господства в литературе общественных идей. Для того чтобы яснее понять это определение, данное Батеньковым в весьма замысловатой формулировке, надо остановиться на выражении Батенькова «живая вода», употребленном здесь несколько раз. Сам он по каким-то причинам, быть может из боязни цензуры, не расшифровывает этого выражения; если же проанализировать мысли Батенькова, высказанные в данных отрывках, то можно предположить, что «живая вода» должна, очевидно, означать — живой дух, то есть идейное содержание.

О Пушкине Батеньков говорит так: «Пушкин довел живую воду до своего „я“. Так и следовало, ибо в его время эгоизм поглощен уже был и растворен в массе государственной жизни»⁷⁵. Повидимому, мысль Батенькова была такова: социальные идеи стали основным содержанием произведений Пушкина; идеи, присущие ему как индивидуальности, личности, являлись отражением тогдашней общественной жизни России.

В том же смысле употребляет Батеньков формулу «живая вода» и в своей статье о творчестве Гоголя, публикуемой ниже.

Об отношениях Батенькова к Гоголю надо сказать особо. С произведениями Гоголя он ознакомился после освобождения из Алексеевского рavelина, в 1846—1847 гг. Повести и комедии Гоголя, а в особенности «Мертвые души» Батеньков считал «прекрасными», «своевременными», «удовлетворяющими вопиющей потребности». Однако он полагал, что Гоголь должен был идти дальше, подняться на высшую ступень, перейти к обличению «пошлости второй степени» — социального и политического строя России.

Прочитав «Исповедь» Гоголя, Батеньков увидел, что великий писатель заблуждается, что талант его в опасности. В своих «Данных» Батеньков сообщал: «... зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его: написал сряду два к нему письма; одно, и лучшее, не дошло. На другое он отвечал, благодарил и обещал не почитать свои „Мертвые души“ ни слишком великим делом, ни грехом смертным»⁷⁶.

Переписка эта, повидимому, не сохранилась. В бумагах Батенькова есть лишь отрывок из одного письма к Гоголю; в этом письме он развивает ту мысль, что Гоголю необходимо дальнейшее идейное развитие, чтобы наполнить новым содержанием вторую и третью части «Мертвых душ».

«Выше тебе замечено, — пишет Батеньков, — что не издал в свое время вдруг всей поэмы. Ты в своих героях имеешь уже дело с людьми известными, проглядывающими в историю, с людьми, принадлежащими всему государству. Оставаясь просто поэтом, ты нам уже ничего не скажешь. Надобно перестановить мысль и возвысить пошлость уже во вторую степень. Предстанут тебе не взятки, а дурное расположение дел, ложное об них понятие <...> Пожалуй, и эта, второй степени пошлость уместится в губернском городе, но корни-то ее уже не тут. Они в общем бассейне народного быта. Нет губернского города, который бы был самим собою. Эти нити, которые связывают его со столицею, ужели никогда не темнеют и не ржавеют. По ним и идет тон <...> Ты резко напал на взятки и усвоение казны <казнокрадство. — Т. С.> и хорошо сделал, но хорошо для первой только части. На тебе лежит еще долг подняться во вторую, да ведь так подняться, что надобно и первую-то поднять с собою и в меру возвышения углубиться». Далее Батеньков выражает сомнения в действенности обличений

в литературе, утверждая, что все равно царское правительство не будет бороться со взяточничеством из боязни ослабить свою власть. «...Думаете<...> достигнуть цели через поношение и уничтожение? Едва ли. Чорт не выгоняет чорта <...> взятки у нас необходимое <то есть неизбежное. — Т. С.> последствие исторического развития. Оно в существе наших форм <...> неразумно было бы форме ослаблять себя простыми слабительными и потогонными»⁷⁷.

Те же мысли мы видим и в публикуемой ниже статье Батенькова по поводу появившихся в печати сообщений о предстоящем выходе в свет второй части «Мертвых душ». Особенно примечательны заключительные фразы статьи: «... нам страшно, что Гоголь впадает в мистицизм, прямой или патриотический. С этого камня преткновения нельзя сойти иначе, как напившись до полного насыщения живой воды».

Послал ли Батеньков эту статью в какое-либо повременное издание — неизвестно; но то, что она предназначалась для печати, подтверждается наличием нескольких черновиков. Один черновик переписан рукой неизвестного, очевидно — писарем.

Гораздо позднее — 14 ноября 1857 г. — в письме к Е. И. Якушкину Батеньков жаловался на то, что написанные им большие работы пропали в разных редакциях, в том числе «у <В. Д.> Корнильева — Гоголь»⁷⁸.

Часто писал Батеньков мелкие критические статьи и заметки для «Отечественных записок» (он считал этот журнал самым передовым), для «Русского инвалида», «Русской беседы» и других повременных изданий; большинство критических статей носит публицистический характер.

Надо заметить, что Батеньков не причислял себя к профессиональным литераторам или компетентным литературным критикам. «Не беру я на себя, — писал он Ф. В. Чижову, — писать роскошным и украшенным слогом, не ищу места между литераторами ex professo. Мне свойственна только простая, так сказать, линейная, рескриптивная часть и, пожалуй, того же рода критика»⁷⁹.

Впрочем, один вид литературного труда — переводы — Батеньков после возвращения из ссылки собирался сделать своей профессией, но это ему не удалось — ни одна из его переводных работ не была напечатана.

Переводами Батеньков начал заниматься еще до 1825 г., находясь на службе в Сибири. Переводил он главным образом с французского. В 1817 г. он перевел книгу Буланже об исторических корнях суеверий, обычаев и обрядов. В Томске Батеньков переводил статьи из периодических изданий. После амнистии он усердно занимался переводом исторических трудов, рассчитывая их опубликовать. Им были переведены: «Призвание писателя» Шарля де Ремюза, «Старый режим и революция» Токвиля, «История Франции XVI в.» Мишле и огромный труд Лебо — «История Византийской империи».

В конце пятидесятых годов Батеньков просил Е. И. Якушкина подыскать ему издателя для переводов с французского. Подбирая книги для перевода, Батеньков руководствовался не «спросом», а соображениями о «пользе просвещения». Так, например, книгу Токвиля он считал не только интересной, но «во многом наставительной». Необходимость перевода истории Византии Батеньков доказывал соображениями образовательными (связь с историей Руси) и тем, что Лебо, как историк, принадлежит к критическому направлению; очевидно, труд Лебо привлекал внимание Батенькова главным образом детальным исследованием причин упадка и краха империи. Надо думать, что и это произведение Батеньков считал «наставительным».

Батеньков охотно переводил сочинения XVIII в., причем, хорошо зная

АВТОГРАФ «ТЮРЕМНОЙ ПЕСНИ» Г. С. БАТЕНЬКОВА, СОЧИНЕННОЙ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ. 1828

Первая страница рукописной тетради стихотворений Батенькова, подаренной автором С. Н. Бибицкой

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Тюремная псалм.

*Возторженна бурнями окруженный
Возмесья я до высоты,
Тут заключатся мизг твой
И выходишь Солнце красноты.
Богиня святая предстала,
Я мати пшавоз, ома Снхана,
Исбави усебный змаса мавды,
Модбо кь мабу водно Снхной,
Даме уфел, мабой просимый —
Мажель перемити афобн.*

#

*Будь ямаз дарами вразмевеня
Шз мизг минута мавей учан,
Божие мебсман благословенн
Принимай мелисуть дати твям.
Да бресте мизг твой — просвещен
Да бресте вымислу аутмисе
Воззун рек светот мавога исбрав —
Мавмиса я и удмалмиса
Какъ все Снхман мой шмтмиса
И мелин палъ со оги покрес.*

#

*Мужей ридъ вину амамити,
Афз ридкити кь дматъ Света,
А божамъ въ дматъ откднмиса
И видимиса Снхманъ Снх.*

русский и французский языки, старался сохранить в переводе колорит оригинала. Если, кроме того, учесть, что стиль самого Батенькова носил на себе печать некоторой архаики, то совершенно естественно, что переводы его в шестидесятых годах казались устарелыми. Впрочем, Батеньков и не старался сделать свой язык более современным. В 1858 г. он писал Чижову: «Мои выражения всегда обдуманны и ежели встречаются в них необычные, я неохотно их уступаю, ибо не хочу пускаться и по прекрасному, но не своему току»⁸⁰.

Итак, Батеньков был причастен к литературному движению декабристской поры. Правда, большая часть из дошедших до нас его произведений относится уже к сороковым — пятидесятым годам, но и они собственно не выходят из круга идей декабризма. Надо учесть, что Батеньков, на целых двадцать лет исключенный из общественной жизни, а затем на десять лет удаленный в ссылку, «остался», по выражению Е. И. Елагиной, «на уровне тридцатилетнего». И это верно. По своим воззрениям Батеньков и в начале пятидесятих годов был носителем идей декабризма. В последние годы своей жизни Батеньков понял, что в новых условиях декабристские планы военной революции не осуществимы. Незадолго до смерти Батеньков говорил Е. И. Якушкину: «Теперь идти этим <декабристским. — Т. С.> путем уже невозможно, уже нельзя овладеть управлением так легко, как в наше время. Теперь, может быть, только одно средство и есть — пропаганда»⁸¹.

Советские историки и литературоведы должны изучить литературное наследие Батенькова, деятельность и мировоззрение этого видного декабриста, которого Рылеев охарактеризовал как «человека с обширными сведениями, любящего свое отечество и готового жертвовать собою для его блага...»⁸².

«СТАТЬЯ Г. С. БАТЕНЬКОВА,
НАПИСАННАЯ В СВЯЗИ С СООБЩЕНИЯМИ О ВЫХОДЕ В СВЕТ
ВТОРОЙ ЧАСТИ «МЕРТВЫХ ДУШ» ГОГОЛЯ (1849)»⁸³

Новый литературный подарок Гоголя его прежние друзья, а еще более ветхие денми, встретят с наслаждением и благодарностью. Истина его таланта сомкнет свой круг; обуревающее его беспокойство предстанет побежденным; оправдано будет делом нравственное требование. Он страствовал в себе, а такие туристы, особенно грамотные, крайне редки. Мы иметь будем от умного, искусившегося свидетеля слово в подкрепление нашего убеждения, что перст, развивший новые мысли в двух половинах столетий с их добром и злом, в их дидактической важности и в их игривых красотах, действовал не в умножение грехов наших и не в обременение бедной совести. Да хотя бы и то и другое, все же во исполнение общей меры по требованию вечной правды, по которой лицо необходимо слагает часть своей ответственности на целый род.

В самом деле, первая часть поэмы была своевременна, удовлетворяла вопиющей потребности. Трудно и выразить, как веселила она душу живую игрою молодого наблюдательного ума, выраввшегося на широту гражданской жизни, созревшей и готовой к принятию всего впечатления.

Но не должно ошибаться и в том, что целую громаду жизни время сдвинуло с прежней черты и далеко, далеко унесло от желаний и ожиданий, которыми она была повита; унесло, верно, уже невозвратно. Едва ли не все теперь чувствуют, что время сообщило всю свою скорость делам и, поглотив их историческую громаду, само под ними отяжелело. Действуя некогда на бытия отдельные, оно пожирало их разрушенными; теперь стремится быстро пожрать собственные свои тысячелетние звенья со всем их произведением. Должно знать время, когда принимаешься писать. Чего теперь хотят? Кто будут читатели Гоголя? Чего пожелают от изящного литературного произведения? И что особенно потребно для возникающего вновь поколения, чтоб сообщить ему себя, а не увлечь авторитетом на ложный путь? Вот вопросы, которые решить нелегко. Прелесть новости «Мертвые души» иметь уже не могут, а вместе с тем не будут иметь и свежей силы, ежели после паузы не возникла она вновь сама из себя. Большинство примет книгу, как недоимку, несвоевременно заплаченную, и потребует от современного поэта, чтоб рассек (Гордиев) узел, затянувшийся из новых прадей.

Надобно отгадать современное направление экваториально и открыть его наклонение к прежнему. Тут полярная звезда никому неизвестна и чрез отрицание только предполагается.

Между тем цивилизация стареет и стареет, уносит с собою в гроб всё накопленное богатство, ничего не оставляя в наследство. Кажется, ничего еще не начато, а будущая тысяча лет грозит наступлением и на прежнюю ни в чем походить не должна. Напрасно будем ссылаться на вечные законы ума и порядка, они точно еще не открыты, а может быть еще и не созданы. Бог ничего не повторяет. Напрасно прибегать будем и к последовательности явлений. Это уже было и, кроме реформ логики, далее никакой последовательности не представляет с этой точки зрения. Человек представляется в будущем жителем новым на земле. Жилище не его, история ему чужда, нравы сгладились, наука громадна и не им самим составлена и изобретена, все учреждения общественные чрезмерны и для него уже не концентричны.

Хотя петербургские критики трухнули при имени Гоголя и отрыли на справку, что он предвидел в похождениях Чичикова странствие его

с самим автором, однако нынешний Парнас, погрязнув в прозаической письменности и осудив, яко анахронизм, всякую склонность к поэзии, едва ли будет в силах встретить, как должно, новый труд известной знаменитости, хотя бы и добросовестно натуживался проявить на это свою волю. Так было при появлении последних песней Жуковского. В самом деле, как-то книга письменности-то своею становится ощутительнее, нежели самое яркое ее содержание, и, чтоб писать с успехом, надобно точно дать почувствовать, что письменность тут только средство. А для этого Моисей теперь потребен, чтоб громами Синая разбудил спящую натуру и прошел по ее пустыням огненным столпом прежде, нежели кастальские воды заструятся.

Настоящее поколение оглушено временем и пространством. Железные колеи, по которым катится общество, издают свой собственный шум и свист, гонят гармонию, и трудно быть такому звонкому дисканту, который бы через весь вакарм * мог быть слышен. Поэзия Гоголя проникала прежде до внутренней души. Юности, богатой наследием предков и еще не разлучившейся с непосредственным прогрессом и с движением ожившего предания, восхитительно было группироваться около такой прелестной невесты и действительно окружать ее силою и блеском. Теперь уже насильственно или естественно, но дух убит, сердце переродилось, ум иначе организовался, всё стало — хозяин с хозяйкой — то золотой песок, то с наливкой бутылки. Юмор против течения ничего не может. Станется, что в новом моменте жизни, пронеся крест и осмотрев обе стороны (лицевую и изнанку) своего дара, поэт наш, уже чуждый страха, удовлетворяет всем требованиям и победоносно их направит. По крайней мере этого не мертвые души все желают.

Эскиз так представляется: в 1849 году Чичиков уже важное лицо. Вся Россия знает его: Гоголь публиковал необыкновенную его историю. Это должно иметь решительное влияние на особу героя и на все последующие дела и обстановки — и всё опять должно быть современным.

К счастью, с пошлым человеком далеко можно теперь унести; это, вероятно, поэт и предвидел; по крайней мере, во времени такт его верен.

В Гоголе побывал теперь Чичиков в Палестине, побывал в Риме — знаменитый человек! Всё переменялось: теперь едва ли уже Хлестаков не городинчим, и дух его едва ли не вознесся до парения в департаментах. Ежели есть потребность лести, то надобно уже лести новую, небывалую, с концепцией, с выводом. Главное — надобно веровать. Чувство, доброе и светлое, ум последовательный, хотя бы растворен был пошлою жизнью до насыщения, всегда от бога и должен быть предпочтен страху, ложному стыду и сомнению, которым найдется всегда в книге довольно места, волею и неволею. Ежели свободный дар стала перевешивать громада — положительная, простая тысячелетняя давность, неосмысленный авторитет, требование личного опыта, — то необходимо усилить концепцию. Тогда, по свойству света, она (концепция) и новый путь себе проложит через непрозрачность явлений и прогонит окрестную тьму, отбросив, где следует, стройные тени. Они по самой истине их уже не укоризненны, а свойство тьмы есть пугать и смешивать. Эта концепция должна быть та же, что была (ибо Гоголь в прежних творениях точно прекрасен), та же, но непременно в новом моменте. Может быть, ниже, басистее, но зато несравненно глубже.

С течением новых понятий вошло у нас много иностранных слов и оборотов. Это было нужно, чтоб изъясниться формулами и дать речи новые исходные точки. А как язык должен содержать в себе полное слово, удовлетворять всем потребностям народа, то далее дело писателей отделить

* оглушительный шум (франц.).

и выразить изящное и оставить формулы при их символах как достояние философии. Слог Гоголя неукоризненно разумен, у него не найдешь нечистой фразы, где бы метафорическое выражение показывалось не помнящим своего родства или гипербола и с наставками короче была бы простого смысла. О! как часто нам доводится встречать выражения: «религиозные верования», «религия играет роль», «мимолетное наслаждение России», «животрепещущее вдохновение», «вдохновение свое небу посвятил», «обожает музыку», «обожает бога» и проч. и проч. Писатели забыли, что ткать из всех ниток без разбору Моисей запретил.

В отдыхе 8 лет можно удовлетворительно вместить всякий перелом. Но как это средство употребил уже раз Сервант, то опять ума требуется разойтись с ним. Впрочем, этот автор сам, кажется, меньше участвовал в событиях, и надобно пройти контролем: сохранил ли он естественные размеры? А целое общество не могло в то время так быстро и неовозвратно изменяться. Тогда много давал опыт и понятия прямо текли из науки.

Третья часть «Мертвых душ» не отделится временем. Там ожидаем: силы, идеи, реакции.

Наконец не скроем: нам страшно, что Гоголь впадает в мистицизм, прямой или патриотический. С этого камня преткновения нельзя сойти иначе, как напившись до полного насыщения живой воды.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Таково, например, предисловие к «Одичалому» в сборнике «Поэзия декабристов». Под ред. В. С. Мейлаха («Библиотека поэта». Большая серия). М., 1950 (в краткой биографической справке Батеньков назван здесь Гавриилом Семеновичем).

«Одичалый» в нашей статье не рассматривается, т. к. принадлежность этого стихотворения Батенькову документально не доказана.

Об утраченных произведениях Батенькова упоминает в своем обзоре М. К. Азадовский («Лит. наследство», т. 59, стр. 690, 697). См. также выше, стр. 110, 137—138.

² В целях облегчения дальнейшего и более глубокого изучения деятельности и творчества Батенькова считаем необходимым привести краткие сведения о неопубликованных рукописях Батенькова и документах о нем, хранящихся в архивах.

В ЦГИА, в фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов, хранятся: следственное дело о Батенькове (№ 359), содержащее не только материалы допросов Батенькова и показания о нем, но также довольно подробную его автобиографию (до 1826 г.), послужной список, письма к Николаю I и членам Следственной комиссии; дело о рукописи Батенькова «Теория государственных учреждений» (№ 264); следственные дела других декабристов, а также журналы и донесения Комиссии (№№ 6, 11, 25, 26, 30; 293, 295, 296, 298, 302—304, 314, 315, 360, 454 и 470).

В фонде 1-й экспедиции III Отделения имеется «наблюдательное» дело о Батенькове (№ 61, ч. 71 за 1826 г.), содержащее документы о заключении Батенькова в Алексеевском равелине, о ссылке в Сибирь, о полицейском надзоре после амнистии и т. д. В этом деле хранятся письма Батенькова к Николаю I из крепости, А. Ф. Орлову из Томска, В. А. Долгорукову и др. В секретном архиве III Отделения имеются агентурные донесения о суде над Батеньковым (в 1826 г.), о его поведении и переписке в конце 1850-х годов.

В фонде Муравьевых (№ 1153) имеются: «Тюремная песнь» Батенькова (ед. хр. 166), письма его к М. И. Муравьеву-Апостолу и сведения о нем в переписке М. И. Муравьева-Апостола с М. И. и С. Н. Бибиковыми (ед. хр. 274, 278 и др.).

В фонде С. П. Трубецкого (№ 1143) хранятся письма Батенькова к нему и к его сыну, Ивану Сергеевичу (ед. хр. 48, 161). К письмам к С. П. Трубецкому приложены стихотворения Батенькова: «К математике», отрывки из «Тюремной песни», переводы псалмов и др. Сведения о Батенькове дает также переписка Трубецкого с Е. П. Оболенским, М. И. Муравьевым-Апостолом, Н. Д. Свербеевым, И. Д. и Е. И. Якушкиными.

Фонд Н. Д. Свербеева (№ 1063) содержит его переписку с Батеньковым 1854—1856 гг. (ед. хр. 63) и сведения о Батенькове в переписке Свербеева с Трубецкими и декабристами.

В фонде Якушкиных (№ 279) хранятся письма Батенькова к И. Д. Якушкину (ед. хр. 53) и Е. И. Якушкину (ед. хр. 459). Кроме того, ценные сведения о Батенькове содержатся в письмах Е. И. Якушкина и в переписке И. Д. Якушкина и других декабристов, хранящейся в этом же фонде.

В фондах В. В. Левашева (№ 973) и В. А. Арцимовича (№ 815) имеются обращения к ним письма Батенькова.

В фонде рукописного отдела Библиотеки Зимнего дворца (ф. № 728) хранятся черновики воспоминаний Батенькова о Сперанском и письма Батенькова к М. А. Корфу, в связи с работой последнего над биографией Сперанского. Воспоминания Батенькова имеют гораздо более широкий диапазон, чем можно судить по их наименованию (здесь Батеньков приводит много данных о Сибири, по истории золотопромышленности и т. д.).

Наибольшее количество писем Батенькова хранится в семейном архиве Елагиных в Отделе рукописей ЛБ. Здесь сосредоточена значительная часть личного архива Батенькова: его записки, наброски по вопросам философии, экономики, истории, литературы, статистики, этнографии. Крупными работами Батенькова являются записка «О заселении Сибири», а также «Томск» и работа по истории золотопромышленности в Сибири. В этом же фонде хранится часть переписки Батенькова и черновики его переводов трудов французских историков.

Небольшое количество писем Батенькова имеется также в ЛБ в фонде Ф. В. Чижиова. Кроме того, рукописи Батенькова находятся в архиве ИРЛИ, а документы о Батенькове — в ЦГВИА (ф. № 36). Материалы, относящиеся к служебной деятельности Батенькова, хранятся в ЦГИАЛ и сибирских госархивах (Томском, Иркутском и др.).

³ М. О. Гершензон. Г. С. Батеньков. — «Русские пропилеи», 1916, т. II, стр. 22—25 (в дальнейшем: «Русские пропилеи»); Б. Л. Модзалевский. Декабрист Батеньков. — «Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 107—108.

⁴ «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пушина и Э. Г. Толля». М., 1936, стр. 13 (в дальнейшем: «Письма»).

⁵ Письмо Батенькова к С. П. Трубецкому от 11 апреля 1858 г. — ЦГИА, ф. № 1143, ед. хр. 48, л. 15 об.

⁶ ЦГИА, ф. № 48, д. 359, л. 114.

⁷ «Русские пропилеи», стр. 103.

⁸ ЦГИА, ф. № 48, д. 359, л. 112.

⁹ Там же. — Сравнивая Россию (в географическом отношении) с Испанией, Италией и Грецией, Батеньков находил, что в горной и пересеченной местности восстания не так легко могут быть подавлены как на равнине.

¹⁰ ВД, т. I, стр. 66.

¹¹ ЦГИА, ф. № 48, д. 359, лл. 158, 91 об.

¹² Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 182—183.

¹³ ЦГИА, ф. № 1153, ед. хр. 166, л. 4.

¹⁴ Там же, ф. № 48, д. 359, л. 136—136 об.

¹⁵ Там же, лл. 102—103.

¹⁶ Секретных арестантов в Петропавловской крепости в 1830—40-х гг. было только двое. Секретным арестантом № 2 был организатор тайного общества «Русские рыцари» (1830-е годы) П. Г. Карпов, который провел в одиночном заключении 16 лет, сошел с ума и умер в больнице для умалишенных в 1852 г.

¹⁷ «Русские пропилеи», стр. 42.

¹⁸ Там же, стр. 102.

¹⁹ ЦГИА, ф. № 48, д. 461, л. 36.

²⁰ Там же, д. 61, 1826 г., ч. 71, лл. 1—2.

²¹ Там же, л. 3.

²² Там же, л. 22.

²³ Там же, лл. 5—9, 11—13.

²⁴ С. Н. Чернов. Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания. — «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 59—67.

²⁵ Там же, ф. № 1153, ед. хр. 166, л. 7. — Позже Батеньков неоднократно говорил, что он «уходил в себя» и «жил умом», вполне сознательно стремясь сохранить жизнь и раскусод («Русские пропилеи», стр. 43; воспоминания Батенькова «О старом масонстве» — в кн. А. Н. Пыпина «Русское масонство». Пг., 1916, стр. 458—468 и др.).

²⁶ Николай I весьма неохотно согласился выпустить Батенькова из крепости. Сначала он потребовал медицинского освидетельствования Батенькова, а затем предложил отсрочить отправку в Сибирь до лета. Батеньков же настаивал на немедленном отъезде. Орлов и Скобелев поддерживали его. Именно об этом писал Батеньков в письме к неизвестному: «И хотя располагался 846 год весь пробыть <в крепости> (...), но почувствовал крайнюю усталость, почти дряхлость и начало цынготной болезни. Это заставило меня в январе уже настоять об отправлении в Томск. В два дня всё и кончили» («Русские пропилеи», стр. 44). М. О. Гершензон, однако, в этой цитате увидел подтверждение своей гипотезы о добровольном пребывании Батенькова в Алексеевском равелине в течение 20 лет (там же, стр. 22).

²⁷ Свою займку Батеньков назвал «Соломенным дворцом» еще тогда, когда он приобрел участок земли и сколотил из теса «горенку», набив в стены между досками соломой. Позже он выстроил дом в пять комнат.

²⁸ ЦГИА, ф. № 815, ед. хр. 365, л. 3 об.

²⁹ Там же, ф. № 48, д. 359, л. 90.

³⁰ Там же, оп. 4, л. 113, л. 8—8 об.

³¹ Там же, ф. № 279, ед. хр. 459, л. 11 об.

- 32 ЦГИА, ф. № 48, д. 359, л. 117.
- 33 Там же, оп. 4, д. 113, л. 7 об.
- 34 Там же, д. 359, лл. 59—61, 117, 64, 115.
- 35 Там же, оп. 4, д. 113, л. 6 об.
- 36 Там же, д. 359, л. 89 об.
- 37 Там же, ф. № 279, ед. хр. 459, лл. 9 об.—10.
- 38 Там же, ф. № 48, д. 359, л. 89 об.
- 39 Там же, ф. № 279, ед. хр. 459, л. 16.
- 40 Там же, л. 15.
- 41 Там же, л. 10.
- 42 Там же, ф. № 48, оп. 4, д. 113, л. 11 об.
- 43 Там же, л. 11.
- 44 Там же, лл. 1 об., 2, 8.— Здесь же, говоря о том, что Европа наводнена «ложными» законами, идеями и порядками, Батеньков заявляет: «... конституция тем уже не ложна, что конституция она <...> Плоха гишпанская конституция, однако скорее половина Гишпании погибнет, нежели бросит конституцию» (там же, л. 12).
- 45 Письмо к Ф. В. Чижову от 26 июля 1858 г.—ЛБ. Шифр: Чиж. 17/8, л. 2.
- 46 ЦГИА, ф. № 1143, ед. хр. 48, лл. 34 об. — 35 об.
- 47 <Заметки по истории>.—ЛБ. Шифр: Бат. 5/16, л. 1—1 об.
- 48 «Письма», стр. 58.
- 49 <Заметки о просвещении>.—ЛБ. Бат. 5/17, л. 8.
- 50 ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 459, л. 31.
- 51 «Письма», стр. 139.
- 52 Там же, стр. 144.
- 53 Г. С. Б а т е н ь к о в. Данные. — «Русский архив», 1881, т. II (2), стр. 263.
- 54 ЦГИА, ф. № 48, д. 359, л. 110 об.
- 55 Там же, л. 111.— Об отношениях Батенькова с В. С. Филимоновым — см. стр. 574—576 настоящего тома.
- 56 «Письма», стр. 139, 145, 147, 150, 151.
- 57 «Воспоминания Э. Стогова». — «Русская старина», 1878, № 11, стр. 512—528.
- 58 «Письма», стр. 134.— «Автор Андромахи» — Д. И. Хвостов; «бессмертный певец Телемака» — В. К. Тредьяковский.
- 59 ЦГИА, ф. № 1153, ед. хр. 166, л. 5.
- 60 Там же, л. 6.
- 61 Там же, л. 3—3 об.
- 62 Там же, л. 4 об.
- 63 Там же, л. 10—10 об.
- 64 Там же, л. 2.
- 65 Там же, л. 4—4 об.
- 66 Там же, л. 8 об.
- 67 Там же, ф. № 1143, ед. хр. 48, л. 36.
- 68 «Нескладный роман». — ЛБ. Бат. 1/7, л. 1.
- 69 ЛБ. Бат. 6/15 и 6/16.
- 70 ЦГИА, ф. № 1153, ед. хр. 166, л. 5—5 об.
- 71 «Письма», стр. 144.
- 72 «Русские пропилеи», стр. 61.— Замечание о «схоластических и мифологических формах» поэзии явно относится к Жуковскому, так как здесь же Батеньков помещает довольно обширный отзыв о поэме Жуковского «Рустем и Зораб».
- 73 ЦГИА, ф. № 1153, ед. хр. 166, лл. 5—6.
- 74 Письмо к Ф. В. Чижову от 26 июля 1858 г.—ЛБ. Чиж. 17/8, л. 1—1 об.
- 75 ЛБ. Бат. 6/19, л. 2.
- 76 Г. С. Б а т е н ь к о в. Данные. — «Русский архив», 1881, II (2), стр. 261.
- 77 ЛБ. Бат. 6/19, лл. 4—4 об., 5.
- 78 ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 459, л. 25.—Кстати надо указать, что Батеньков иногда писал под псевдонимами «Ф. Остатков» или «V—1».
- 79 Письмо к Ф. В. Чижову от 26 июля 1858 г.—ЛБ. Чиж. 17/8, л. 2.
- 80 Там же.
- 81 Сб. «Декабристы на поселении (Из архива Якушкиных)». Л., 1926, стр. 46.— Курсив наш.
- 82 ЦГИА, ф. № 48, д. 359, л. 60 об.
- 83 ЛБ. Бат. 6/25 (написано рукой не установленного лица с вставками и исправлениями Батенькова).